

МОЯ МАМА, как всякая учительница, бережно хранила фотографии детей, которых учила в войну и после нее русскому языку и литературе. Они сохранились в том числе несколько снимков из Билимбаевского детского дома, где ей довелось работать завучем.

Вот подсует, что-то говорит коллегам директор, издающийся до невозможности, в полувоенном френче, заменявшем ему и служебную, и выходную одежду. Помню, как сосредоточен, но он проходил по двору, где неизменно лежала детдомовская овчарка Дружба, производившая на свет щенков самой необыкновенной масти. Однажды нам гомой принесли ее щенка, выросшего в огромного охотничьего зверя...

Из детских снимков я всегда подолгу рассматриваю два. Мальчик и девочка прислали их моей маме из «Артека». Одетые, как герои гайдаровских книг, в белых панамках Красный мальчик стоял среди пальм и кипарисов Красная девочка задумчиво сидела на мраморном льве. Бедное государство и нищий детдом послали их к морю, в крымскую сказку. Гаяль Зель и Володя Леонов. Еврейка и цыган, дети двух наций, наиболее гонимых гитлеровцами...

Узнав, что документы детдома сохранились в нашем городском архиве, я хстела отыскать следы пребывания здесь эвакуированных детей. Среди них было много светловолосых, с северо-запада России. Но, видимо, как и в первоуральском детдоме, по мере продвижения нашей армии на запад эвакуированные дети с воспитателями возвращались на родное пепелище, увозя с собой документы. Архив сохранился лишь с сорок третьего года, хотя детдом действовал уже с осени сорок первого. Книга приказов за 43-й год открывается таким: «Премировать семь отличников учебы выдачей 50 гр шоколаду и 50 гр конфет (со старинным написанием) каждому и 25 ударников учебы по 50 гр конфет и 30 гр шоколаду каждому».

На выцветших архивных папках надписи: «Хранить 75 лет». Это значит, что в 2018 году уже никто не сумеет узнать, как бедствовали дети войны. Хотя ведь и нынешнее поколение не проявляет интереса. Ну так прочтите, как писались дет-

домовцы в войну. По распоряжению наркомторга ребенку давали в день по 400 грамм хлеба, в месяц полагалось 750 г пшеничной муки, 1,5 кг крупы, 1,5 кг мяса и рыбы, 500 г сахара, столько же жиров, 7,5 кг овощей. Колбасу и яичный порошок — в том случае, если нет мяса и рыбы, по тем же нормам. Разделите-ка это на супы и каши, на количество дней —

залез в охраняемый им ледник — тут же снимают остатки продуктов. Два воспитателя пришли на работу без плана — эти дни не оплачиваются. Выговор колючую Ушакову «за бездушное, недопустимое отношение к лошадам». Нынче бы такое и за провинность не посчитали. Лишь один раз за войну появились вши — у мальчиков в комнате 3-го класса: бельё не было про-

уживчивый, художественно одаренный мальчик, и сегодня может получить свою грамоту, врученную ему за исполнение песни на смотре.

Как же они намыкались, шести-семилетние малыши, попавшие в детдом в конце войны! Их отцы погибли на фронте, матери умерли от голода и болезней. По-добран на улице Эдиге Желевич, рост маленький, волосы русые, нос курносый... И такая вот песчинка, влекомая безжалостной волной, не знала, что ее сопровождающим документом один человек пишет неизвестному другому: «Ребенка надо окружить вниманием». Кто сейчас так пишет? И у кого поворачивается язык позлословить и позавидовать по поводу мизерных льгот, полагающихся детдомовцам военной поры?

А тогда взрослые думали об их будущем. Сохранилось несколько сберкнижек, заведенных на воспитанников. Положено на счет 30 рублей, взято 5. С тех пор прошло две десятилетия, да инфляция отняла много нулей, умертвив не только разменную копейку. Так что сберкнижки тех детей можно рассматривать как символ горького времени, когда взрослые все-таки заботились об их будущем.

ВТОМ ЖЕ поселке, где детдомовцы держались своим островком, жили и другие дети войны — тоже в эвакуации, но с родителями. Вряд ли им жилось сытнее, думаю я, останавливаясь на кладбище возле холмиков, где с детства помню надписи: «Ваденька Миль, Манечка Миль, шести лет и одного года» Их отец, конструктор вертолетов М. Л. Миль, великий в своем деле, не мог уберечь их от дыхания войны. Пока был моложе, он приезжал в Билимбай, стар стал — слал деньги на уход за могилами, но и сейчас в родительский день кто-нибудь из местных жителей оставляет здесь кусочек, сыплет пшено для птиц...

И еще здесь жили дети войны — мы. Например, наш класс, 1941 года рождения. Почти у всех отцы погибли на фронте. Посмотрите вокруг — нас так мало.

Но это уже другая история.

А. КИПРИЯНОВА.

■ К 50-летию Победы

ДЕТИ ВОЙНЫ

(НА КОНКУРС)

что получится? Кстати, вряд ли больше доставалось в ту пору детям, живущим дома, при родителях. Это не в укор сегодняшним, ешьте, ради бога, свои «сникерсы». Только ведь иному по умственному развитию и интересам в пору на дереве сидеть, со «сникерсом» в зубах. В то время как детям войны прививалось чувство долга, ответственности и духовность, высоту которой можно было измерить только мерой народного горя.

Дети трудились вместе со взрослыми, чтобы обеспечить себе существование. Комплектовались бригады на сенокос, прополку, заготовку дров, уборку овощей в подсобном хозяйстве детдома. В Новоуткинске закупили чаны и бочки для своей капусты. Тем, кто хорошо работал на подсобном, — премии, вот и наши знакомые в ведомости есть: В. Леонов — 60 рублей, Г. Зель (ее настоящее имя было Грейза) — 30 рублей. Другая бригада занималась косью, сушкой и уборкой сена на дальнем лугу. Девочки учились шить. Во время посевных работ сотрудникам отменялись выходные. Воспитатели обедали и ужинали только со своими группами, а в выходные, выходя на дежурство, проверяли, как дети приготовили уроки.

Менялись директора, но порядок оставался таким же строгим, и это было оправданно. Вместе с поощрением трудолюбивых детей и сотрудников выговоры взрослым сыпались направо и налево. Сторож Кадочников ночью спала — строгий выговор. Сторож Кавунов

стирано и проглажено горячим утюгом, и воспитатель Н. В. Катаева тут же попала в злосчастную книгу приказов. Вши — слутницы нужды и бедствий, и электроутюгов тогда не было, а сегодня общество не стыдится этого, зашифровав свою неопрятность (и нужду?) новым словом «педикулез».

И все годы войны и после нее в детдом поступали дети. 1943 год. Николай Касьянов. Вероника и Иван Зейфрид. Бронислав Прудников, вскоре отправленный в ремесленное; временно — Юра Старцев, чей отец призван в РККА. 1944-й. Зачислены на питание беспризорные Алексей Пышканов и три брата Кивуру — Михаил, Айно и Ялмар, Никитенко Борис и Борис Коровин. Много детей, которых, как метлой, мела война по земле. И видели они много — доброго и злого, но все-таки здесь, на окраине большого уральского поселка, в длинном сиротском доме у горы Могилица, их ждала доброта.

Сохранились десятки личных дел и, читая написанное рукой воспитателей и учителей, я обнаруживаю бережное отношение к любому ребенку. Иначе кто бы заметил, что черноглазый подкидыш Асхат Хадиров — веселый, никого никогда не обидит, любит общественные дела, жизнерадостен, трудолюбив и лепит из глины танки. Что Тамаре Гордиевских, которая «ходит в школу неумытая, а девочки ее любят», надо помочь преодолеть застенчивость и растерянность. Саша Дорощенко, в 53-м подросившийся учиться на токаря,